
Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г.

Вадим Агапов

Public opinion and political conflict in the Russian Far East in 1914

Vadim Agapov

(Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Russia)

2 мая 1914 г. скандально известный лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевич выступил на заседании Государственной думы с речью, в которой резко критиковал деятельность МВД и некоторых губернаторов. При этом особого внимания Владимира Митрофановича удостоился «губернатор Лодыженский, управляющий Приморской обл[астью]». «Здесь мы имеем поразительный документ, — драматически заявил депутат, — один из маленьких людей, почётный гражданин Илья Семёнович Егоров обращается с просьбой к генерал-губернатору Мищенко, указывая на то, что в пределах обл[асти] Приморской работает бюро по освобождению евреев от воинской повинности, и что более 300 жидов освобождены от воинской повинности. Казалось бы, что губернатор Приморской обл[асти] Лодыженский должен был бы только поблагодарить, что ему были открыты глаза на это и была дана возможность парализовать то зло, которое там развивается, между тем мы видим, что губернатор Лодыженский, признавая, что этим показанием Егорова дискредитируется деятельность его власти на месте, не находит ничего лучшего, как целым рядом поклёпов на этого Егорова добиться того, что этого Егорова, как типа неблагонадёжного и неприличного, высылают оттуда, между тем как по официальной записке, поданной этим самым Егоровым губернатору Мищенко, явствует, что этот самый Лодыженский 24 декабря 1913 г. на ёлке в доме некоего Скидельского — крещёного или некрещёного — получил от него в 5000 р. вексель, который учёл в первых числах января во Владивостокском отделении Русско-Азиатского банка. Вполне понятно, что после учёта этого векселя скрытие подобного рода присутствия, освобождающего евреев от воинской повинности, нетерпимо. Вот вам, господа, факты, один за другим. Я опять-таки повторяю, я надеюсь, что правительство наше примет меры убрать Лодыженского с того места, которое он так недостойно занимает»¹.

«Губернаторская речь» Пуришкевича вызвала в империи заметный резонанс. Её напечатали в столичных газетах и перепечатали в провинции, хотя, например, при публикации во владивостокской «Далёкой окраине» из текста исключили приведённый выше фрагмент, касавшийся Приморья². В МВД выступление черносотенца произвело «в высшей степени неблагоприятное впечатление»³.

© 2017 г. В.Л. Агапов

¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия II. СПб., 1914. Стб. 1630.

² Государственная дума (заседание 2-го мая) // Далёкая окраина (Владивосток). 1914. 4 мая. С. 2.

³ Пуришкевич и губернаторы // Русский Восток (Владивосток). 1914. 22 мая (4 июня). С. 2.

Некоторые упомянутые Пуришкевичем губернаторы обвинили его в клевете, но тот «заявил, что он не согласится признать свои слова сказанными в пылу эффекта и непременно докажет свою правоту»⁴. Между тем о точности сообщаемых фактов депутат, похоже, особо не заботился. Так, «генерал-губернатора Мищенко» в 1914 г. в Российской империи не было. Вероятно, имелся в виду хорошо известный на Дальнем Востоке по событиям русско-японской войны и революции генерал-лейтенант, а с 1910 г. — генерал от инфантерии Павел Иванович Мищенко (1853—1918), являвшийся в 1908—1909 гг. туркестанским генерал-губернатором, а с 1912 г. командовавший 2-м Кавказским армейским корпусом. Но Егорову явно следовало обращаться с жалобами не к нему, а к приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. Неправильно была указана Пуришкевичем и должность Владимира Ильича Лодыженского (1880—1915), в 1912—1914 гг. состоявшего вице-губернатором Приморской области и лишь исполнявшего обязанности губернатора с марта 1913 по март 1914 г. 1 мая он покинул Владивосток, хотя формально продолжал числиться вице-губернатором.

Популярная московская либеральная газета «Русское слово» по-своему освещала случившееся. «В своей “знаменитой” думской речи, — говорилось в статье, перепечатанной затем в “Далёкой окраине”, — депутат посвятил, как известно, довольно много “внимания” вице-губернатору Приморской области, камер-юнкеру В.И. Лодыженскому. В.М. Пуришкевич говорил, что В.И. Лодыженский выслал из Приморской области некоего Егорова только за то, что Егоров — “честный патриот и приверженец Союза Михаила Архангела” — раскрыл злоупотребления по приёму евреев в набор. “В благодарность за эту высылку” В.И. Лодыженскому 24 декабря на ёлке у какого-то Скидельского, будто бы, был передан вексель в 5000 руб.». По сведениям же «Русского слова», Егоров — «мелкий ходатай по делам, не то частный поверенный, не то подпольный адвокат», который «объявил себя “сверхпатриотом”, приверженцем Пуришкевича, и стал наводить панику чуть ли не на весь Владивосток». За очередной дебош в театре и оскорбление местного пристава Лодыженский посадил его на две недели под арест. В тюрьме тот прочёл в «Историческом вестнике», что Лодыженский — не инородец, как ему казалось, а столбовой дворянин. Выйдя на свободу, он даже извинился перед вице-губернатором, и «больше года вёл себя тише воды ниже травы». «Но затем, — сообщала газета, — натура взяла своё! — Егоров снова набедокурил». На этот раз — потребовал арестовать смотрительницу богадельни, обвинив её в воровстве, а попечительницу богадельни госпожу Крузберг (супругу товарища председателя окружного суда) — в том, что она укрывает воровок. Именно за это Лодыженский выслал его из города. Обиженный Егоров помчался с жалобой к Пуришкевичу. При этом «про вексель Скидельского Пуришкевич и Егоров выдумали всё от начала до конца», тогда как вице-губернатор «никаких векселей за высылку Егорова, конечно, не получал», с Скидельским знаком не был и на ёлке у него не появлялся.

Сам Лодыженский, находившийся в то время уже в Петербурге, заявлял в интервью: «Я, к сожалению, не считаю для себя возможным выступать в печати ни с какими заявлениями, а также не могу вступать в полемику с членом Гос[ударственной] думы Пуришкевичем... При исполнении своего долга я не считаюсь ни с хвалой, ни с порицаниями, ни с клеветой. В моих действиях отдаю отчёт своей совести и своему начальству». Тем временем «в газетах

⁴ Последняя почта. Губернаторские процессы о клевете // Далёкая окраина. 1914. 4 июня. С. 4.

появилось сообщение, что в связи с вымыслом Пуришкевича В.И. Лодыженский был вызван в Петербург, и что ему предложено, будто бы, подать в отставку». Впрочем, «из министерских кругов сообщают, что это не верно»⁵.

Егоров, отвечая на обвинения в клевете в красноярской черносотенной газете «Сусанин» (редактором которой стал летом 1914 г.), сетовал на то, что «корреспондент “Русского слова”, отбросив в сторону всякие понятия о чести и совести, а также “забыв” и об отношении представляемой им газеты к приморскому вице-губернатору В.И. Лодыженскому, поместил большую в защиту г. Лодыженского статью». Считая её написанной по заказу, Егоров обличал беспринципность и продажность либеральной прессы и напоминал, что ещё недавно тем же «Русским словом» были перепечатаны статьи петербургского «Дня» «Полиция напоролась на юстицию» (2 августа 1913 г.) и «Талантливый администратор» (21 февраля 1914 г.). В первой из них Лодыженский изображался как самодур, на которого подали в суд чины прокуратуры, и указывалось, что «даже правые недовольны им»: «Союзник Егоров, подпольный адвокат, чуть ли не всем показывает исполнительные листы на Лодыженского (в газетах фамилия вице-губернатора часто писалась ошибочно. — *А.В.*) — один на 1000 рублей за неплатёж за квартиру, а другой на 400 рублей за купленную лошадь. В этом отношении Лодыженский придерживается системы своего предшественника вице-губернатора Мономахова, не платившего долгов “из принципа”, на которого из Вологодской губернии (бывшего места службы) был прислан целый транспорт исполнительных листов». Во второй публикации рассказывалось, как, занимаясь русификацией края, «и.о. военного губернатора Приморской области вице-губернатор Лодыженский открыл новый способ борьбы с еврейским засильем»: «В последнее время местные банки завалены его векселями, выданными евреям-коммерсантам Скидельскому и Радомышльскому. И без объяснений, конечно, ясно, что этот способ самый действительный из всех практиковавшихся. Чем больше еврейских денег перейдёт в русские карманы, особенно столь благонадёжные, как вице-губернаторские, тем меньше останется их у евреев и тем слабее станут последние. По своей гениальной простоте этот способ заслуживает повсеместного применения». По мнению Егорова, всё это наглядно демонстрировало подлинное отношение «Русского слова» к якобы невинно пострадавшему чиновнику⁶.

У Лодыженского и впрямь была скандальная репутация, в российской прессе он не раз предстал как взяточник, казнокрад, самодур, шантажист, мошенник, плут, растлитель малолетних... Гондатти собрал на него в 1913–1914 гг. внушительное досье из писем, телеграмм, жалоб, анонимных памфлетов и газетных вырезок. Приведённые в «Сусанине» статьи «Дня» присылались в канцелярию генерал-губернатора из МВД и дважды вызывали служебное расследование, в ходе которого многие из обвинений подтвердились. В конце концов его переместили на другую должность, а некоторым его сообщникам даже пришлось уйти в отставку⁷.

⁵ В.М. Пуришкевич и губернаторы. Клевета на В.И. Лодыженского // Далёкая окраина. 1914. 17 июня. С. 3.

⁶ Непредусмотрительность // Сусанин (Красноярск). 1914. 19 июня. С. 2–3.

⁷ Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном voyage вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 127–148.

Однако не менее колоритной фигурой был и И.С. Егоров. О его характере и мировоззрении позволяет судить составленное им 9 января 1912 г. для военного губернатора Приморской области «Прошение Ильи Егорова потомственного почётного гражданина о производстве расследования о злоупотреблении служебным положением судебных и полицейских чинов». Оно начинается с рассказа о разоблачении Егоровым «“деятельности” присяжного поверенного Дмитренко и врачей Окс, Токкер и Акацатова», уличённых «в организации продажи европейской публике фальшивого “жен-шеня”, в мошенническом получении денег умершей сожительницы доктора Окс и других преступлениях»⁸. Обвинения, выдвинутые Егоровым, частично соответствовали действительности. Согласно рапорту начальника владивостокского охранного отделения, присяжный поверенный и сотрудник газеты «Далёкая окраина» В.В. Дмитренко был «известен мошенническими проделками с корнем “жень-шень” (судебное дело)»⁹.

Мстя за свою дискредитацию, «г.г. Дмитренко, Окс, Токкер и Акацатов», утверждал Егоров, «создали против меня обвинения... в присвоении, краже и мошенничестве», а затем, ничего не добившись, «задались целью во что бы то ни стало прославить меня, как сумасшедшего, делая это при помощи имеющих в их распоряжении местных “прогрессивных” газет “Далёкая окраина” и “Приамурский край”, в которых время от времени стали появляться статьи, фельетоны и заметки о том, что местная администрация и местное общество должны принять все меры к изъятию меня из общества как человека, проявляющего явные признаки ненормальности»¹⁰.

Но это не помешало Егорову приступить к новому «разоблачению». «Компания местных жидков в лице Хайма Циммермана и “казённого” раввина Абрама Лейбовича Рабиновича, — сообщал он, — благодаря “снисходительному” отношению к ним администраторов владивостокского купеческого банка в лице гг. Толмачёва и Амбонопулло, занялась своего рода экспроприацией, выдавая явно незаконные ссуды до трёхсот тысяч рублей сынам племени Иуды, в числе которых был и Рабинович, причём все ссуды обеспечивались ермолками или же лежащими на дне морском разбитыми шаландами. Ввиду того, что от “таких” операций... могли пострадать русские вкладчики..., я донёс своим от 20 июля истекшего [1911] года заявлением местному прокурорскому надзору о том, что по имеющимся у меня, Егорова, достоверным сведениям, названная компания жидков задалась целью пустить по миру русских вкладчиков банка»¹¹.

При этом задевались и другие лица. Так, про прокурора Владивостокского окружного суда Шульца Егоров писал, что он был «страстным картёжником и, как таковой, весьма часто проигрывался в пух и прах», а бывшего нотариуса М.Я. Кушлянского называл «местным Хлестаковым», придумавшим себе послужной список и одолжившим Шульцу под вексель 8 тыс. рублей, желая

⁸ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ), ф. 1, оп. 7, д. 1305, л. 1.

⁹ Там же, д. 1368, л. 13. На судебном процессе по делу о клевете в феврале 1914 г. редактор владивостокской газеты «Текущий день» Ф.В. Мисюра также обвинял Дмитренко, выступавшего представителем истца, в краже документов и махинациях с жень-шенем (Из зала суда. Дело редактора газеты «Текущий день» Ф.В. Мисюра // Вестник океана (Владивосток). 1914. № 9. 5(18) февраля. С. 4; Из зала суда. Дело Мисюры // Приморский край (Вадивосток). 1914. 9 февраля. С. 3).

¹⁰ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 7, д. 1305, л. 1 об.

¹¹ Там же, л. 2.

«обеспечить себе проход в мировые судьи»¹². И тут же Егоров жаловался на то, что «в последнее время местная присяжная адвокатура в лице мочёного жидка Нахеса Дукельского, ожидавшего Протопопова, Шульца, Баршева заключила союз против меня». «Шульц и Дукельский, — говорилось в “прошении”, — являются ближайшими кандидатами в тюрьму за то, что второй сыграл слишком некрасивую роль в “сахарном” процессе, а первый в качестве прокурора содействовал совместно с председателем суда Гузевичем проведению г. Кушлянского в мировые судьи... Гузевич... стал ходатайствовать пред Вашим превосходительством о признании меня сумасшедшим. Проживающий во Владивостоке по паспорту одесского мещанина содержатель театра “Золотой Рог” жидок Элиас Журинский говорил, что он тоже принял все меры к выселению меня из Владивостока»¹³.

Рассматривавший данный документ советник 3-го отделения Приморского областного правления Н.П. Щербаков предложил «прошение Егорова вернуть ему без рассмотрения по существу»¹⁴, ссылаясь на ст. 4. п. 5 Приложения к ст. 49 Учреждения Правительствующего Сената, предусматривавшую, что «жалобы и прошения не принимаются и возвращаются лицам, их принесшим, с подписью о причинах неприятия» в том случае, «когда в жалобе или прошении помещены укорительные выражения»¹⁵. Военный губернатор М.М. Манякин 27 января 1912 г. с этим предложением согласился¹⁶.

Между тем, судя по прошению, особые опасения у Егорова вызывала «местная “прогрессивная” печать в лице “Далёкой окраины” и “Приамурского края”». По его мнению, «газеты эти дают приют всяким политическим преступникам для того, чтобы так или иначе выжить из Владивостока посредством их писаний тех или иных деятелей правых консервативных политических партий, как меня в данном случае»¹⁷. Единственной во Владивостоке объективной газетой он считал черносотенный «Дальний Восток»¹⁸. Для противодействия враждебной прессе и более эффективной пропаганды собственных идей Егоров решил издавать и редактировать «правую ежедневную газету» «Русский клич». Подав соответствующее ходатайство 20 ноября 1912 г., он уже 20 декабря получил разрешение¹⁹.

На это сразу же откликнулась «Далёкая окраина». «Местный союзник Егоров, — извещала она читателей, — собирается издавать газету “Русский клич” и намерен привлечь к участию в ней местный отдел “союза русского народа” (*Из газет*). По нашему поручению наш корреспондент посетил редакцию новой газеты и сообщает следующее». За этим шли четыре карикатуры с подписями. На первой из них босоногий секретарь редакции, сидящий с сигаретой за пустым столом, уверяет, что «газета, можно сказать, важная», на другой — автор передовых статей («грамотный писатель, умеющий выражаться, как следует») пишет на заборе, на третьей — «лондонского корреспондента» выкидывают из трактира «Лондон» и, наконец, на четвёртой разносчики воруют деньги из карманов не желающих покупать «Русский клич» горожан²⁰.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Там же, л. 3 об.

¹⁴ Там же, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 11.

¹⁷ Там же, л. 4.

¹⁸ *Кудряжинский М.А.* Владивосток в 1905 г. (Из наблюдений очевидца) // *Минувшие годы.* 1908. № 5. С. 63–64.

¹⁹ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, л. 2265, л. 1–2, 5.

²⁰ «Гром и молния» // *Далёкая окраина.* Иллюстрированное приложение. 1913. 10 марта. С. 2.

Фактически газета «Русский клич» во Владивостоке так и не появилась. 10 февраля 1913 г. Егоров по предписанию военного губернатора был арестован на один месяц в административном порядке за скандал, устроенный им в театре «Золотой Рог»²¹. Под стражей он пробыл, видимо, не более двух недель. Уже 3 марта 1913 г. в хронике «Приамурского края» сообщалось, что «шумливый союзник Егоров, недавно за свои дебоши арестованный администрацией, по выходе из-под ареста сделал, как говорят, новый доклад в Петербург против местных властей по телеграфу»²². В ответ в редакцию поступило письмо, опубликованное газетой 6 марта: «М[илостивый] г[осударь] г-н редактор! Прошу Вас не отказать в опровержение помещённой в воскресном номере Вашей газеты заметки под названием “Продолжение деятельности” — напечатать следующее. Я, Егоров, по выходе из-под ареста никому и никуда никаких обращений не делал и делать не намерен; от всякой политической и общественной деятельности навсегда отказываюсь и выступать против кого бы то ни было тоже. Илья Егоров»²³. Перепечатав это письмо, «Уссурийская окраина» иронизировала: «Последнее политическое выступление Егорова выразилось в драке в театре. К сожалению, при этом не были поняты его великие побуждения, и он попал под арест»²⁴.

Несколько дней спустя «Приамурский край» поместил на своих страницах рассказ Константина Попова о том, как его должник Емельянов обратился «к знаменитому местному союзнику Егорову, который и состряпал фиктивный нотариальный акт о продаже лошадей», чтобы избежать уплаты долга. Более того, он будто бы советовал воспользоваться незаполненными векселями Попова для давления на него через третьих лиц²⁵. Егоров всё это решительно отрицал, утверждая, в частности, что векселя Попова, который «по своему имущественному положению немного богаче церковной крысы», ничего не стоят. Одновременно он заявлял, что большинство дел ведёт «без вознаграждения по принципиальным соображениям» и чужд какой-либо корыстной заинтересованности²⁶.

После этой публикации на год имя Ильи Семёновича исчезает со страниц приморской прессы. 3 апреля 1914 г. о нём вспомнила газета «Уссурийский край» (под таким названием с 1914 г. выходила «Уссурийская окраина»). «Всемирно известный городу Никольску и всему Дальнему Востоку г. Егоров уехал отсюда простым человеком, — говорилось в её фельетоне. — Союзником, правда, но разве мало у нас союзников. Пробовал г. Егоров выделиться здесь из общей массы дебошами, но безуспешно: в этой области все союзники выдержали экзамен на высший балл. Талантов Егорова настолько не оценили, что сажали даже за дебоши в кутузку. Кончилось это тем, что г. Егоров осердился и укатил в Питер». Там он «поступил в личные секретари к самому их высокосятельству Григорию Распутину, властителю душ и телес столичной аристократии»²⁷. 9 июля в той же газете утверждалось, что «секретарём Распутина, как известно, служит бывший дальневосточный делец, стяжавший себе

²¹ Хроника. Арест союзника // Уссурийская окраина (Никольск-Уссурийский). 1913. 13 февраля. С. 2.

²² Хроника. Продолжение деятельности // Приамурский край (Владивосток). 1913. 3 марта. С. 4.

²³ Отказ союзника Егорова от... «общественно-политической деятельности» (письмо в редакцию) // Приамурский край. 1913. 6 марта. С. 3.

²⁴ Хроника. Одним политическим деятелем убыло // Уссурийская окраина. 1913. 13 марта. С. 3.

²⁵ Письма в редакцию // Приамурский край. 1913. 16 марта. С. 4.

²⁶ Там же. 17 марта. С. 4.

²⁷ Сильный покровитель // Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1914. 3 апреля. С. 2.

“громкую” известность скандалами, союзник Егоров. Сотрудник “Дня”, случайно ехавший в экспрессе с Распутиным и его “свитой”, так описывает эту фигуру: “При Распутине трётся нечто вроде секретаря. Он армянин или еврей, судя по физиономии или по отчеству ‘Давидович’...”²⁸.

Был ли у Распутина секретарь Егоров, неизвестно. Отчество Ильи Егорова было Семёнович, а не Давидович. Но либеральных журналистов это не смущало. Война «прогрессивной» прессы («Далёкой окраины», «Приамурского края», «Уссурийской окраины») против черносотенцев продолжалась. Почти в каждом номере местных газет печатались материалы, посвящённые работе Государственной думы, политическим партиям и отдельным депутатам. В них, как правило, содержались весьма не лестные отзывы о лидерах октябристов и монархистов, а крайне правые, как столичные, так и владивостокские, постоянно высмеивались, изображались пьяницами, хулиганами и дебоширами²⁹. При этом, как отмечалось в докладе «О владивостокской прессе», подготовленном начальником Владивостокского охранного отделения Лалевичем для Лодыженского 3 июля 1913 г., «основными штрихами, характеризующими местную прогрессивную печать, ...следует признать: 1) крайнюю невежественность, 2) полную беспринципность, доходящую до хулиганских выпадов против отдельных лиц, и 3) откровенный шантаж»³⁰. Правые, уступая либералам в эффективном использовании печати, чаще прибегали к доносам, иногда бесследно исчезающим в недрах административной машины, а иногда довольно тёмными путями доходившим до самого верха. Именно так случилось с прозвучавшим с трибуны Государственной думы 2 мая 1914 г. доносом Егорова на Лодыженского.

Ещё 18 марта 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил приамурскому генерал-губернатору «заявление почётного гражданина Ильи Семёновича Егорова о возникшей в Приморской области еврейской организации по освобождению молодых людей от воинской повинности и связи, существующей между этой организацией и должностными лицами области, покорнейше прося не отказать в расследовании этого дела и сообщении заключения с возвращением приложения»³¹.

Согласно этому «заявлению»: «1) Во Владивостоке и Никольск-Уссурийском имеются “бюро по освобождению от воинской повинности”, руководимые евреями, состоящими в тесных отношениях с должностными лицами. 2) Число освобождённых от воинской повинности незаконным способом в минувшем году достигло 50 человек, причём практиковались такие случаи, как свидетельствование подставного лица, безногого калеки, взамен вполне здорового... 3) Благодаря существованию “бюро”, покровительствуемого властью, преступление разрастается в целую “дальневосточную воинскую Панаму”, сведения о которой сообщены Егоровым в редакцию газет правого направления и доктору Дубровину, а также некоторым членам Государственной думы. 4) Близкий к этой “Панаме” советник Ундрец составил себе состояние и вёл широкий образ жизни, крайне подозрительный при скромном окладе жалованья. 5) Узнав о разоблачении Егорова, Ундрец восстановил против него камер-юнкера Лодыженского, а этот последний — коменданта крепости генерала

²⁸ Наш знакомец // Уссурийский край. 1914. 9 июля. С. 2.

²⁹ По краю. Патриотическая деятельность // Уссурийская окраина. 1912. 27 июля. С. 3; Маленький фельетон. «Заноза» // Океанский вестник (Владивосток). 1914. 19 января (1 февраля). С. 3.

³⁰ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 10.

³¹ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 1004, л. 1.

Нищенкова, бывшего ранее покровителем Егорова; вместе с тем, Лодыженский угрожал через полицию Егорову высылкой за его доносы. 6) Сам Лодыженский также находится в тесной зависимости от евреев, в частности, от раввина Скидельского, которому должен большую сумму денег. 7) Начальник Владивостокского сыскного отделения Мартынов произвёл исчерпывающее дознание и установил существование “бюро”, но всё его расследование движения не получило. 8) Все эти данные побуждают Егорова просить министра о специальном расследовании настоящего дела»³².

Проведённое по приказу Гондатти секретное расследование показало: «Ряд данных... по этому делу свидетельствует, что в заявлении Егорова имеется, по-видимому, доля правды, и что основная часть переписки, в том числе дознание начальника сыскного отделения Мартынова и расследование помощника Никольск-Уссурийского полицмейстера утеряна или скрыта бывшим советником Ундриц... По остаткам переписки, восстановленной частью по отпускам, частью на память, картины этого дела воспроизвести невозможно»³³. Ундриц к тому времени уже был уволен в отставку³⁴ и выехал в Санкт-Петербург, Лодыженский скрывался³⁵, Мартынов дважды давал разные показания³⁶. Неуловим оказался и сам Егоров: летом 1914 г. он проживал в Вятке, затем редактировал красноярскую газету «Сусанин», выход которой прекратился (вероятно, по причине отсутствия средств) 14 сентября, в начале октября появился в Хабаровске, откуда вскоре отправился в Благовещенск, где получил место акцизного надсмотрщика³⁷.

Его репутация кляузника и дебошира в значительной степени была создана «прогрессивной» прессой, как владивостокской («Далёкая окраина», «Примамурский край») и никольск-уссурийской («Уссурийская окраина»), так и московской («Русское слово»). Именно благодаря газетам он прославился на всю страну. То же самое можно сказать и о Лодыженском. Любопытно, что, исполняя обязанности губернатора, он был для приморской печати едва ли не главным врагом, его обвиняли в самодурстве, взяточничестве, превышении полномочий, антисемитизме и т.п. В мае 1913 г. именно редакция «Далёкой окраины» инициировала объединение сил местных журналистов в борьбе с вице-губернатором, наиболее активно отправляла жалобы и передавала сведения для публикации в столичных газетах³⁸. Но как только против чиновника выступили правые, в сущности, лишь повторившие то, что раньше уже сказали их оппоненты, либеральные издания, начиная с «Русского слова», тут же «переменяли фронт». Но удивительнее всего то, что в защите Лодыженского в 1914 г. активно участвовала та же «Далёкая окраина», которую он преследовал годом ранее (сперва оштрафовал, затем совершенно незаконно арестовал одного её редактора и выслал другого). Именно так и возникали коллизии, когда либеральные «День» и «Русское слово» писали, что Лодыженский «грабит евреев», а черносотенный «Сусанин» уверял, будто он «служит жидам».

³² Там же, л. 24.

³³ Там же, л. 9.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4229, л. 64–65.

³⁵ Там же, д. 3757, л. 28.

³⁶ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 1004, л. 28.

³⁷ Там же, л. 15–20.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 9–10.